

Лексика ткачества имеет несомненную этнокультурную значимость, поэтому изучение натурфактов этого пласта материальной культуры белорусско-российского порубежья должно быть направлено как на расширение корпуса терминов ткачества, так и на их историко-лингвистическое описание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. /В.И. Даль. – 6-е изд., в 4 т. – М., 1955. – Т. 3. – 555 с.

2. Громов, А.В. Словарь : лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже : учеб. пособие / А.В. Громов. – Ярославль : ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1992. – 118 с.

3. Словарь смоленских говоров. –Выпуск 9 (ПРАВДИВЕЦ – СЕЯТЬ) /отв. ред. Л.З. Бояринова. – Смоленск : СГПУ, 2000.– 196 с.

4. Сузанович, В.Б. Лексика льнопрядения в говорах могилевско-смоленского пограничья / В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова // Российско-Белорусско-Украинское пограничье : научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства : Материалы Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 23-24 октября 2014 г.). – В 2-х ч. – Ч. 1. – Славяноведение в пограничном регионе : Вторые Расторгуевские чтения / под.ред.: В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. – Брянск: ООО Ладомир, 2014. – С.63-71.

5. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова – Т. III. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. – 1423 с.

6. Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя / І.П. Шамякін, В.К. Бандарчык, Я.В. Малашэвіч [і інш.] – Мінск : Беларуская савецкаяэнцыклапедыя імя П. Броўкі, 1989. – 576 с.

Асенчик Е.Ф.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Беларусь

Отражение традиционных знаний о ценностных ориентациях народа в речи жителей Ветковского района Гомельской области

В статье проведен анализ особенностей фиксации традиционных знаний о ценностных ориентациях народа в устойчивых выражениях (в частности, фразеологизмах), зафиксированных в речи жителей Ветковского района Гомельской области.

Ключевые слова: моральные нормы, ценностные ориентации, фразеологизмы.

Моральные нормы, существующие в любом обществе, представляют собой определённые правила поведения, регулирующие отношения между людьми на основе критериев добра и зла, добродетели и порока, чести и бесчестия. Эти оценочные понятия применяются к поведению человека и его деятельности. Характер базовых ценностей, становящихся основой моральных норм, складывается в течение длительного времени и зависит от многих факторов.

Так называемые традиционные знания о ценностных ориентациях каждого представителя этноса (в отличие от знания рационального, обусловленного личным жизненным опытом) передаются по наследству, от поколения к поколению и усваиваются (как осознанно, так и бессознательно) уже в раннем возрасте вместе с языком. "Кодирование" необходимой информации происходит как на уровне лексики (например, включением оценочного компонента в денотативное или коннотативное содержание слов), так и на уровне высказываний, приобретающих статус "устойчивых выражений" (поговорок, пословиц, фразеологизмов) [1, с.110].

Именно в устойчивых выражениях в краткой афористической форме передаются взгляды народа на основные вопросы бытия.

Нормы морали формировались в практических отношениях людей между собой. То, что плохо и вредно для общества, семьи (т. е. поведение, не способствующее стабильности), осуждалось и запрещалось, а то, что способствовало согласию и мирному сосуществованию людей, оценивалось положительно и одобрялось большинством.

Жадность, нежелание делиться тем, что добывалось чаще всего совместным трудом членов семьи, осуждается, например, в выражении **Адзін з'еш і вала – адна хвала:**

(а) *Што купяць, я гаварю: “Раздзяліця ўсім пораўну”. Ну, калісь усё баба наша: “Адзін з'еш хоць і вала, дак адна хвала”. Напрымер, вот я ад свае сям'і нікалі так во-во ня з'ем, а ўсім па капельцы да дам. Калісь ад бабы навучылась, і дзелаю так. Нашы ўжо не. Наша Ірка будзя хадзіць, што-нібудзь есць. Во купя якая пячэння. Ну, ці я аб'ем?*

(б) *Усі так казалі: “Адзін хоць з'еш і вала, дак адна хвала”. Абажрэсся, разрасцесся, да і ўсё.* [2, с. 182].

Умение и желание работать всегда было связано в сознании человека с уровнем благосостояния его самого и его семьи, поэтому стремление и умение хорошо работать одобрялось, а неумение,

нежелание, лень осуждались, что и отражено в проанализированных нами фразеологизмах:

Адзін дзень сяўбы год кормя.

Яна і гаворя: “*Я аграром. Адзін дзень сяўбы год кормя. Маё дзела пасеяць. А ўдруг заўтры дождж пойдзя. На сеяльцы людзі ня будуць сеяць пад дажчом. Сёдни нада ўкінуць зярно. Из кожы вырвацца, да дзелаць. Ніхай, што хочуць, на міне гаворяць. А я пасеяла – збыла з галавы, штоб другая дзелаць*” [2, с. 183].

Гарод любя гарбатую бабу. (План любя гарбатую бабу.)

Штоб гарбацілася і гарбацілася... І ўсё палола і капала, падрыхляла – усё дзелала на агародзі. А еслі гарбатая баба ня ходзіць, да не работая, дак кукіш палучыш.

Не гарбацься там, дак такі тын парасце, да і ўсё [2, с. 199].

Эпитет "горбатая" в данном контексте связан не с внешностью женщины, не с её физическим уродством (наличием горба), а только лишь с положением тела в процессе работы на огороде, в поле. "Горбатая" - значит, работающая (как ещё говорили, *работать не разгибая спины*).

Паміраць сабірайся, а палоску сей, штоб галодны ня быў.

Гаворяць: “*Паміраць сабірайся, а жыта сей*”. *Паміраіш, а ўсё адно дзела дзелаіш. Сёдни дзелаіш, заўтра ня будзіш. Гаворяць:* “*Жыта сей...*” – “*А я паміраць ўжо буду... Я ўжо слабы...*” *А вісна падойдзя, а жыта ўжо не пасеіш... І хлеба...*” *Эта лодыры...* [2, с. 257].

Традиционно сельские жители вставали очень рано и сразу включались в работу. Подобный образ жизни складывался годами, оправдывал себя, поэтому также оказался зафиксированным в образных выражениях народа. В Ветковском районе известен следующий фразеологизм:

Ранні верабейка клювік (дзюбачку, роцік) выцірая, а позні верабейка вочы прадзірая.

(а) Ну, напрывер, ідзе ты ў лес: хто раней пойдзя ў лес, эта перваю ягадку найдзя, і набірэ. Тыя набяруць поўныя глячкі, а ты ўжо прышоў, там пабрана, туды пойдзіш – там пабрана. Якога ты хрэна там набірэш? Ці ўранні матка і гаворя... І ўранні печ топяць, баба бліны пячэ. У нас бліны кажды дзень былі: то грэцкія, то ячменныя. Баба і кажэ, я ўжо падымуся, яна: “Тусячка, падымайся! Памажы што-нібудзь”. – “Січас!” – дзярюгай накрыіцца і ляжыць. Яна: “Варячка, падымайся”. Усё... Мне болей не загадываюць. Скажэ: “Варячка, падымайся, памажы”, – там, бульбу чысціць ці бурак, ці крышыць у боршч качан. Я ўжо ўсё! Ня жду, пакуль баба ў другі раз. Я – хоп! Паднялася і пашла, дзелаю. Блін іспячэ баба, кажэ: “Варячка, за

то шта ты раней, дак на: **“Ранні верабейка дзюбачку абцірая, а позні верабейка ішчэ толькі вочы прадзірая. А яна няхай ляжыць”**. І мы з Ягоркам, Ягорка самы меншы, усё – мы падымаімся, я падымаюся, і Ягорка падымаіцца. Мы ўжо на бліну, хоць на два з’елі, а Туся спіць.

(б) Гаворыць: **“Ранняя птушка роцік абцірая... Яна рана ўстаня, што дзе найдзя, скарэй паесць, а позная пакуль вочы расплюшча, а ранняя ўжо пад’ела, сядзіць, песні пяе** [2, с. 268].

Необходимость всё делать вовремя отражена в интересном фразеологизме **Чашысь тым бокам, які свярбіць** (вероятно, аналоге общеизвестного **дорога ложка к обеду**): Усі так гаворыць. Ну вот... **Чашысь тым бокам...** Напрымер, ты хочыш суп сварыць... Мясца німа... Чашысь так ужо, як... Здзелаі суп... Зажарь і цыбулінку пакрышы... Калісь наша баба: **“Сёдни вада, соль і цыбулінку ўкрышыла... Вот і ўсё... Харашо... І паядзіма, і ніхто не скажа, што не смашина”**. Чашысь, як прыходзіцца [2, с. 269].

Стремление человека к знаниям, к получению определённого жизненного опыта всегда поощрялось. “Подстегнуть” к учёбе, к желанию узнавать что-то новое и закреплять его в навыках был, вероятно, призван фразеологизм **За плячамы не насіць** (вариант: **На плячах не насіць**):

(а) Я знаю, як і сена ўвязываць. Баба наша ўсё знала, і мне ўсё паказывала, кажэ: **“Ета за плячамы не насіць. Нада што б ты ўсё знала”**. Прыходзіцца ў жыцці ўсяк. Штоб усё ўмеў”.

(б) Баба наша і кажэ: **“Ё песня Лён і Ляніца”**. Я гаварю: **“Баб, ну, навучы ты мяне”**. Вот, поліма лён, дак яна і гаворы: **“Мая ўнучка, што знаіш, на плячах не насіць. Давай з табой пець”**. І па-ціхоньку і пелі [2, с. 213].

В данном фразеологизме нет никаких прямых указаний, не звучат ни явное осуждение, ни явное поощрение необходимых действий, зато в образной форме даётся характеристика этих "действий" - что они не сложны, не тяжелы, не являются грузом, обузой, а значит, доступны и полезны.

Акцент на главных жизненных ценностях, которые состоят не в богатстве, а в здоровье (т.е. косвенное поощрение здорового образа жизни) заключён в выражении **не завідуй ні на харомы, ні на цярэмы**: Калісь жа усё казалі: **“Не завідуй ні на харомы, ні на цярэмы, а завідуй на здароўе. Як німа здароўя...”** [2, с. 247].

Т.о. нетрудно заметить, что формирование личности во многом происходило и происходит через овладение родным языком, в том числе через устойчивые выражения, в сжатой афористичной форме передающие основные принципы организации жизни общества, содержа-

щие в себе советы (скрытые и явные), как поступать в той или иной ситуации, образно описывающие моральные и социальные нормы общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса./ Ю.В. Бромлей// М.; Изд-во "Наука". - 1983.- 283 с.
2. Лапацін, Г. І. Варвара Грэцкая як з'ява беларускай народнай культуры / Г.І. Лапацін, // Гомель : Изд-во "Барк", 2015. – 270 с.

Гомонова И.Г., Лапицкая Н.И.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Беларусь

Структурные особенности формул отсылок в текстах русских и белорусских заговоров

В статье анализируется структура формул отсылок в русских и белорусских заговорных текстах и выявляются основные структурные типы, характерные для данных фольклорных формул.

Ключевые слова: фольклорная формула, формула отсылки, структура, синтаксическая конструкция

Фольклорная формула – устойчивая словесная конструкция, как правило, ритмически упорядоченная и имеющая характер законченного суждения. Построение заговора представляет собой последовательное сочетание формул. Основной смысл всего текста заговора выражают заклинательные формулы, которые часто имеют характер отсылки негативного персонажа. Формулы такого типа представлены прежде всего в заговорах от болезней.

Исследование текстов русских и белорусских заговоров позволяет выявить формулы отсылок в заговорах от различных физических и духовных недугов (от лихорадки, грыжи, зубной боли, золотухи, сибирки, бессонницы, порчи, пьянства, ночниц и др.).

В структурном отношении отсылки представляют собой:

- 1) двучленные синтаксические конструкции, построенные по принципу "откуда – туда";
- 2) одночленные открытые синтаксические конструкции разной степени распространенности.